

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ В *РИМСКОМ ДНЕВНИКЕ 1944 ГОДА*
ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Аврил Пайман

Да простит меня читатель! Эта статья – не вклад в науку, а размышления старой читательницы по поводу последней вспышки лирического вдохновения у старого поэта символиста, который всю жизнь думал о том, как изображать взаимопроникновение временного с надвременным, естества со сверхъестественным, реального с еще более реальным. Мне не было до того при этом, чтобы обсуждать предшественников по теме, а просто хотелось вместе с читателем задуматься над текстами стихов и понять, настолько искусно, но одновременно естественно, Иванову удалось отобразить это взаимопроникновение в своих стихах.

Дневник, можно бы подумать, – форма, теснейшим образом связанная со временем, и *Римский Дневник 1944 года* – тем более. Это исторический документ.

Иногда, однако, время времени рознь. Признаем линейное, хронологическое, историческое время: *Повесть временных лет*, как именуется первая русская летопись. Но есть и мифическое время, которое кружится по часовой стрелке, по сезонам года: “Всему свое время, и время всякой вещи под небом: Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное...” (Екклесиаст 3. 1-3). Есть и умопомрачительное астрологическое время, которое (так думали древние) переплетается с нашими смертными судьбами; здесь вращаются знаки зодиака, светятся кормчие звёзды. Есть и календарное время Церкви, в котором мы по определённым датам отмечаем вечные события. И есть в конце концов наше личное, лирическое время, где “Идут за днями дни / И каждый час уносит частицу бытия”; но и здесь есть проблески Вечности: поминальные дни тех, кому поём “вечную память”.

В *Римском дневнике* Иванова можно проследить, как, чудесным образом, с изумительным мастерством, но будто играя, он совмещает все эти виды времени со вневременным.

Дневник, при этом, пишется не обязательно каждый день, но по вдохновению: иногда по три стихотворения в один день, иногда с пробелами. Притом, по стародавней формулировке английского поэта Уильяма

Блейка, сквозь мгновение постоянно проглядывает вечность; тогда, и чем актуальней момент – тем ярче мы ощущаем в нём вечное.

Возьмём, например, одно из центральных стихотворений *Римского Дневника* 28 июня, в котором описывается вход союзных войск в недавно оставленный немцами Рим.

Вечный город! Снова танки,
Хоть и дружеские ныне,
У дверей твоей святыни,
И на стогнах древних янки
Пьянствуют, и полнит рынки
Клёкт гортанный мусульмана,
И шотландские волынки
Под столпом дудят Траяна.
Волей неба сокровенной
Так, на клич мирской тревоги,
Все ведут в тебя дороги,
Средоточие вселенной!

(III, 616)

Совсем по-новому звучат старые слова о ‘Вечном’ городе, в который ведут все дороги. Технически, поэт здесь работает острой смесью высокого и низкого слога: “танки”, “хоть и дружеские ныне”; “янки”, “пьянствуют”; “шотландские волынки” “дудят” – и всё это происходит на торжественном фоне “у дверей твоей святыни”, “под столпом... Траяна”. Причина же этого столпотворения – отклик “сокровенной воли неба” “на клич мирской тревоги”.

Подобное переплетение времени и настроев, хотя, пожалуй, мало где так ярко выражено, проходит через весь дневник поэта. Тесно и интимно переплетаются Божие с человеческим, вечная память с историческим моментом, свет с тьмой.

Время здесь хоть и отмечается точно по датам – скорее измерение, в котором человеку суждено биться, жить и умереть – пока и для него не наступит Вечность, Христос, поправший смерть смертью. Оно воспринимается, как у Державина – рекой или же дорогой, “Via sacra”, которую можно бы изобразить на карте или на иконе со сценами из жития:

...Мил убор
Твоих, о Рим, святилищ дряхлых!
Как-бы меж кипарисов чахлых
Он чрез века уводит взор
Тропой прямой, тропую тесной,
Пройденной родом христиан, –

И всё вдали тропы чудесной
Идут Петр, Яков, Иоанн.
8 января (III, 587)

Но плоской поверхностью здесь не обойдешься. Пожалуй, вернее себе представить измерение Времени у Иванова не столько картой или картиной, сколько круглой, вещественной астробией. Вокруг тихой келии поэта и уютной матери-Земли вращаются знаки зодиака.

Так:
1 февраля
Опушились мимозы,
Вспухли почки миндалей,
Провожая Водолей...
(III, 591)

21 февраля.
Не мне, надвинув на седины
Волхва халдейского колпак,
Провозглашать земной судьбины
Тебя владыкой, Зодиак.
Но, зная, не даром плыли Рыбы
Четой во сретенье Овна,
Когда из тучной, рыхлой глыбы
Моя прорезалась весна...
(III, 595)

А здесь христианские праздники вплетаются в шествие астрологических знаков зодиака, как всегда у Иванова вполне мирно с ними уживаясь:

Языков правду, христиане,
Мы чтим: ... (27 сентября, III, 632)
Итак,
1 марта.
Ты, чей Марса славит звук,
Сеял бранные обиды;
Напрягая звёздный лук,
Роковые слал нам Иды;
Разъярял раздор войну,
И восстанье, и возмездье:
Лук и меч отдай Овну, –
Агнец стал в твоём созвездье.
По дорогам – вешний клир –
Миндалей в цвету литии
Молятся, да снидет мир
В Благовещенье Марии.
(III, 598)

И дальше в *Дневнике* Иванова Телец уступает май месяц Богородице, а в июне, Диоскуров заслоняют события – уход немцев, освобождение Рима. Лишь в июле месяце

2 июля
 Чу, жаркий рык... Созвездье Льва
 Уже владычествует в небе.
 (III, 617-618)

Жара июльская наводит пожилого поэта на мрачное предчувствие зимнего холода, перебои в доставке электричества, на мысль о зимней темноте и смерти...

Пока не выйдет в новом блеске
 Июльский Лев на жаркий лов.
 15 июля (III, 619)

На зов каникул зябкий старец не стремится на природу или на море как издревле принято римлянами, а сидит себе в уголку своей “террасы оттенённой” (29 июля, III, 622) пока не наступают август и

2 августа
 Предсмертным пылом пышет Лев.
 <.....>
 А времена в извечном чуде
 Текут. За гриву Дева Льва
 С небес влачит. На лунном блюде
 Хладеет мертвая глава.
 (III, 622-623)

Так как в августе месяце празднуется праздник, именуемый Греками ‘Метаморфозой’, у нас на глазах красная луна преобразается в диск с головой гривастого Льва, а затем в блюдо с усекновенной главой Иоанна Крестителя. Наступает праздник за праздником: Медовый Спас; Спас Преображенский; Успение Богородицы, Усекновение главы Иоанна Предтечи.¹ Возникают личные памятные дни: “И скольких душ в огнях падучих / Мгновенный промелькнёт привет!” (III, стр. 623), смерть умирающего от солнечных стрел Андрея Белого, день памяти Владимира Соловьёва.

Но уже лето прошло и

¹ В основном, Иванов придерживается в дневнике нового стиля, хотя порой сообщает двойные даты. Преображение празднуется по старому стилю 6-го августа, а по новому 19-го. Усекновение головы Иоанна Предтечи по старому празднуется 29-го августа, по новому 11-го сентября.

... В полудни бос,
С кривым ножом, в ночи с Весами,
Стоит Сентябрь...
8 сентября. (III, 629)

И, за Весами, Скорпион:

Скорпий жалит с небосклона,
И была мне суждена
Боль от язвин Скорпиона;
Ими жизнь освящена.
22 октября. (III, 633)

Святая боль – живая память о смерти любимой жены Лидии:

Шепчет: “Светом повеяло,
Христос родился”.
Отпустил, что содеяла,
И в Нем ты – вся.
Содраганье последнее –
И застыли уста.
Есть ли слово победнее
Этой вести Христа?
17/30 октября. (III, 635)

Священная память освещает ему путь:

Сколько тёмных лет промчалось!
Но стоит передо мной,
Что случилось, что венчалось
Света славой неземной.
22 октября (III, 633)

Мрак времени, пронизанный светом вечности. Здесь, на старости лет полностью овладев материей стиха, Иванову удаётся более сжато и просто выразить эту свою постоянную тему, присущую ему хоть бы не вполне осознанно с первой книги стихов, так и названной Владимиром Соловьёвым, а не самим автором, “Кормчие Звёзды”. На самом деле, Астрология, которой поэт так весело играет в *Римском Дневнике* – отнюдь не декорация, не эстетизм. Человек у него создан по образу и подобию, а Рим – “средоточие вселенной” и не только Империи...

Разлука – это, по Иванову, последствие грехопадения; восстановление рая – восстановление цельности, исцеление. Всё это он теперь продумал, и осталось только воспеть своё прозреньё вечной гармонии, о которой возвещают звезды:

Дальних, чуждых, вас мы славим
И по вам кормила правим;
.....

Будит звёздное служенье
 В нас ответное движение.
 Миг – и в нашей келье тесной
 Свод вращается небесный,
 Запредельные пустыни
 Веют ужасом святыни,
 Ночь браздят светил орбиты...
 30 июня (III, 617)

Однако и над великолепием звёзд властвует время и смерть. Год склоняется к концу, у поэта возникают мысли о смерти и о вечном возвращении; о том, как под снегом обновляется весенняя трава и осенний хмель. Стрелец, весёлый декабрьский знак, не упоминается. Жизнь во времени жизнелюбу Вячеславу опостылела, и на выставке старинных картин ему нравятся “не изнеженные” и “тучные” Голландцы, а простой и суровый Мемлинг, который

Мне больно ранил грудь ударом
 Центурионова копья <...>

 Здесь чувствую, как углем тлело,
 В себе вмещающая Божество,
 Страдальческое естество,
 И жен, с креста приявших Тело,
 И на покинутом холме
 Три крестных древа в полутьме.
 22 декабря (III, 641-642)

Трезвый, тёмный пейзаж озаряется возвращением Вифлеемской звезды:

И снова ты пред взором видящим,
 О, Вифлеемская Звезда,
 Встаешь над станом ненавидящим
 И мир пророчишь, как тогда.
 А мы рукою окровавленной
 Земле куём железный мир...

Какая здесь усталость от суеты мирской!

И бесноватый успокоится
 От судорог небытия,
 Когда навек очам откроется
 Одна действительность – твоя.
 Без даты (III, 642)

Эта, “твоя” действительность – не только Новый Иерусалим, это – первоначальная действительность творения:

Как древний рай покрыла схи́ма,
 С ним стала нам и ты незрима,
 Звезда, венчавшая Эдем,
 Пока трём небовидцам чистым
 Ты, в хороводе став лучистом,
 Не указала Вифлеем.
 Звезда Божественной природы,
 Твоих небес родные своды
 Увидим ли, подобно тем
 Пришельцам в ночь Епифании,
 Окрест Младенца и Марии
 Узревшим девственный Эдем?
 6 января (III, 586)

И на самом деле, несмотря на TEDIUM VITAE, Иванов видит себя славословцем, и в заключительном стихотворении *Дневника* он скажет “Роптал порой, но чаще славил” (31 декабря – III, 644). Именно реальность рая, как всегда в его стихах, пребывает за завесой “леса разлуки”, за “юдолью слёз” и подчёркивается не только в прозе мыслителя (например, знаменитой формулировкой “от реалии к реалиора”), но в самой как будто простодушной песне.

Так, предпоследнее стихотворение – пронзительно простой пересказ встреч апостолов с воскресшим Христом на берегу родного Галилейского озера (Ев. от Иоанна, 21, 7-12), которое заканчивается “Он жив, как прежде с ними жил” (29 декабря, III, 644).

В известных прощальных строках 31 декабря, старец вновь взваливает на себя земное бремя, повинувшись призыву задумчиво выдержанной прозы. Время, он знает, идёт к нему, течёт ему навстречу. Смертный час неизбежен и близок, но древо жизни во времени уже в себе содержит древо животворящего Креста, и в “лесу разлук” всё таинственно связано. Закончим одним из первых стихотворений года от 2 января.

Великое бессмертья хочет,
 А малое себе не прочит
 Ни долгой памяти в роду,
 Ни слов на Божием суду, –
 Иное вымолит спасенье
 От беспощадного конца:
 Случайной ласки воскресенья,
 Улыбки милого лица.
 (III, 585).